

ПЕРЕВОД ЛЮБОВИ КАРЦИВАДЗЕ

ЭЛОДИ ХАРПЕР

18+

роман

МИОО

74 год нашей эры
ФЕБРАРИУС

ГЛАВА 1

Термы, вино и секс приближают судьбу.

Древнеримская максима

Окутанная исходящим от кожи паром, она молитвенно складывает ладони и откидывается на спину в теплой воде. Легкие волны плещут ей в шею. Кругом смех и женские голоса, смешение звуков эхом отражается от камня. Она пропускает шум мимо ушей и сосредоточивает внимание на своих пальцах, вода ими по поверхности и глядя, как с них капает вода и поднимается пар. «Эти руки могли быть чьими угодно, — думает Амара, — они могли принадлежать любому. Но они принадлежат Феликсу».

Затем чьи-то пальцы переплетаются с ее, нарушив задумчивость Амары. Виктория рывком вытаскивает ее из воды.

— Амара! Ты же волосы намочишь! Нельзя лежать на спине! — Пощипывая ногтями кожу девушки, Виктория пытается взбить ее кудри, поникшие и липнувшие к плечам. — Они у тебя как крысиные хвосты. О чем ты только думала?

Амару захлестывает тревога: как можно быть такой беспечной, ведь она сегодня столько отдыхала!

— Я не знаю, я...

— Все не так уж плохо. — Она оборачивается и видит неслышно подошедшую к ним Дидону. Та смотрит на них, слегка нахмутив брови. — Почти незаметно.

— Какая разница! Мужчины приходят сюда не ради волос, — произносит другой, куда менее приветливый голос.

Драука, самая ценная женщина Симо, наблюдает за ними с противоположной стороны узкого бассейна. Поднявшись из воды, она скидывает руки и раскачивается из стороны в сторону. Темные волны ее волос блестят как вороново крыло. Позади нее, за округлыми арочными окнами, сереет плоское море. Девушки не могут отвести взгляд от ее тела. Амаре вспоминается статуя Елены Троянской, которую она видела еще в Афидне, когда у нее было другое имя и другая жизнь.

— Венера Помпейская! — в преувеличенном изумлении ахает Виктория, хватаясь за Амару. — Богиня ходит среди нас! О, убереги мои глаза от своей неземной прелести!

Драука мрачнеет и с плеском опускает руки. Виктория смеется.

— Можно подумать, тут ни у кого больше нет сисек, — добавляет она, однако уже вполголоса, чтобы ее слова не достигли слуха Драуки.

— Но она и на самом деле прекрасна, — говорит Дидона, по-прежнему глаза на их соперницу. — Она ведь здесь уже не впервые, правда? Возможно, мужчины предпочтут ее, возможно...

— Исключая Драуку, чем они лучше нас? — перебивает Виктория, испепеляя взглядом трех спутниц пышной красавицы. Те плещутся с напускной веселостью, заливаясь наигранным смехом и занимая большую часть бассейна. — Сразу видно, что все как одна подавальщицы. У Марии ручищи как у носильщика.

Амара сомневается, что они вправе высмеивать этих женщин, учитывая их собственный низкий статус бордельных шлюх. Волчицы. В животе затягивается знакомый узел.

— Интересно, что это будут за мужчины, — говорит она.

— Они будут... — Не успев закончить мысль, Виктория отвлекается на что-то за спиной Амары. — Эй! — кричит она. — А ну отпусти! Отпусти ее!

Она бредет по воде к какой-то пожилой женщине, которая тянет Крессу за руку, пытаясь вытащить ее из бассейна. Наконец под возмущенным взглядом Виктории старуха выволакивает мокрую Крессу на бортик.

— Феликс? Ты принадлежишь Феликсу? — Старуха нагибается и нацеливает скрюченный палец в лицо Виктории.

Никто не отвечает. Незнакомка оглядывает сбившихся в стайку девушек. Подплывшая к ним Бероника удивленно приоткрывает рот.

— Вон отсюда, Феликсовы шлюхи! — нетерпеливо велит старуха, повелительно махая рукой в сторону выхода.

Кресса пытается возразить, но старуха ее отпихивает. Женщины Симо больше не плещутся и не смеются. Амара скорее чувствует, чем видит, что все они сгрудились в дальнем краю бассейна.

— Сейчас же вон, Феликсовы шлюхи! — повторяет старуха, поочередно ткнув в каждую из них пальцем. Никто не сходит с места, и она хватается Амару за руку. — Вон! Вон! Убирайтесь сейчас же!

Девушка обдирает кожу о камень, когда старая карга с визгом подтаскивает ее к бортику. Жесткие пальцы на удивление сильной хваткой вцепляются в ее мягкое плечо. Резко высвободившись, она подтягивается на горячие плиты. Старуха продолжает надрывать горло,

угрожая позвать Вибо, если они не поторопятся. При упоминании имени управляющего термами женщины Феликса наконец выходят из неподвижности. Обнаженные, они вылезают из воды и спешат в соседнюю комнату, дрожа от резкой смены освещения и температуры. Каскад шумно низвергается в холодный бассейн, заглушая старухины крики. Амара, пошатнувшись, опирается о ярко-синюю стену и старается не потерять равновесие, протискиваясь мимо картин с изображениями морских созданий. Огромная рыба разевает пасть у самого ее лица.

Когда все пять девушек оказываются в раздевалках, спорить продолжает одна Виктория. Они не проходили через эти комнаты по пути в бассейн. Над рядами ящиков из полированного дерева висят картины, изображающие любовников во всех возможных сексуальных позициях. Одежда девушек ворохом свалена на полу.

— Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! — требует их мучительница, швырнув плащ еще не оправившейся от потрясения Беронике.

Амара не нуждается в дальнейших понуканиях. Она наклоняется и, порывшись в груди одежды, протягивает желтую тогу Дидоны, которая дрожит как лист от страха, равно как и от холода. Дидона еще не свыклась с положением рабыни, и каждое новое унижение ранит ее в самое сердце. Не суетится только Виктория. Остальные давно уже оделись, а она еще завязывает тогу, со жгучей ненавистью глядя на старуху. Когда Виктория наконец отворачивается, та делает жест от дурного глаза.

Последний тычок костлявого пальца между лопаток, и вот Амара и другие девушки уже жмутся друг к другу во внутреннем дворике. Мелкий дождь бьет в лицо,

с моря дует холодный ветер. Они стоят, сбившись в кучку в промокших насквозь тогах и плащах. Амара озирается, удивляясь их одиночеству, и замечает двух здоровяков, укрывшихся под колоннадой, у расписанной нимфами и розами стены. Один из них, мужчина с грозным лицом, размашисто шагает к девушкам. Это Трасо, надсмотрщик Феликса.

— В чем дело? Что случилось? — Кулаки Трасо сжаты в предвкушении драки.

Амара отстраняется. Ей уже доводилось испытать на себе тяжесть этих кулаков.

— У него спроси, — говорит она, указывая на мужчину, оставшегося стоять в тени. — Разве он не служит Симо?

— Кто-то надул Феликса, — добавляет Виктория, в то время как Трасо резко разворачивается к колоннаде. — Женщинам Симо позволили остаться, а нас всех вышвырнули вон до прихода мужчин. Весьма своевременно, тебе не кажется?

Не дожидаясь разъяснений, Трасо бросается через двор и замахивается в голову недавнему товарищу.

— Балбус! Я убью тебя, проклятый лжец!

Балбус уворачивается от прямого удара, однако тумак приходится ему в ухо и заставляет пошатнуться. Схватив противника за плечи, Трасо лбом разбивает ему нос. Балбус вырывается, рыча и держась за окровавленное лицо. Трасо снова устремляется в бой, и оба с ревом падают на землю, беспорядочно молотя руками и кусаясь. Девушки растерянно наблюдают за дракой.

— Феликсу это не понравится, — констатирует очевидное Бероника.

Амара искоса поглядывает на Викторию, надеясь, что подруга отпустит едкое замечание, но та отводит глаза.

В дверях поднимается сутолока. Не успевают девушки отпрянуть, как во двор выбегает группа рабов. Они кидаются к дерущимся, пытаясь их разнять, — и один из миротворцев тут же получает удар в лицо. Вслед за рабами появляется одышливый, дородный, завернутый в зеленую тогу управляющий термами. Оттолкнув Крессу с дороги, Вибо спешит к виновникам беспорядка.

— Довольно! — кричит он. — Или будете отвечать за неповиновение перед своими хозяевами!

Мужчины наконец откатываются друг от друга. Трасо встает первым, тогда как Балбусу помогают подняться двое рабов.

— Хотите по миру меня пустить? — вопрошает Вибо. — Сцепились на моем пороге, будто бродячие псы! Всыпать бы вам плетей!

Балбус бормочет что-то неразборчивое.

— Мне плевать! — кричит Вибо. — Сейчас же выметайтесь, оба. И потаскух своих прихватите.

Не дожидаясь особого приглашения, девушки пересекают двор прежде, чем Трасо успевает их догнать. Амара замечает, что надсмотрщик прихрамывает: должно быть, Балбус, которому не поздоровилось еще больше, успел таки нанести несколько увесистых ударов. У Трасо рассечена губа, и он баюкает свою руку. Девушкам хватает ума не спрашивать, как он себя чувствует.

Под предводительством Виктории они взбираются по ступеням к высоким воротам. Замыкающая процессию Бероника не успевает избежать злого шлепка Трасо.

Все они понимают, что он срывается на них, зная, что по возвращении в лупанарий на него обрушится гнев Феликса. В душе Амары нарастает страх, и она тщетно пытается сглотнуть застрявший в горле комок.

Выйдя на улицу, они словно попадают в поток быстрой реки. Амара хватается Дидону за руку, и они вместе пробиваются сквозь давку вверх по холму к воротам форума*. Ноги скользят по мокрым камням. Амара впервые попала в Помпеи с Дидоной. С тех пор прошло всего несколько месяцев, а кажется — целая жизнь. Они вместе шли этим путем осенью, после того как Феликс купил их на невольничьем рынке в Поццуоли. Погода была теплее, чем сейчас, а небо яснее. Ей вспоминаются сладкие спелые фиги, купленные Феликсом в дорогу. Стоило разломить плоды пополам, как блестящая розовая мякоть прилипала к пальцам. Те мгновения казались почти счастливыми — конечно, если бы счастье могло существовать в мире, где ее, Амару, продают и покупают. Она по сей день удивляется проявленной Феликсом добротой. Они и не догадывались, насколько несвойственно ему это качество.

Мимо проталкивается мужчина с тяжелой корзиной рыбы на голове, обращая плечи в толпу, будто оружие. Следом за ним они ныряют в высокую подворотню и оказываются в гулком темном проходе. Склон дороги становится круче,

* Форум — первоначально рыночная площадь в городах Древнего Рима, ставшая со временем центром общественной и политической жизни. В императорскую эпоху это парадный архитектурный ансамбль, окаймленный портиками и украшенный скульптурами, включавший храмы богов — покровителей города, базилики для заседаний суда и городского управления, триумфальные арки.
Прим. ред.

а толчея — еще страшнее. Оглянувшись, Амара видит, как Кресса с обреченным лицом тащит вверх по холму запыхавшуюся Беронику. Отставший Трасо почти исчез из виду. Должно быть, его одолевает боль в ноге, иначе он бы уже выбрал Беронику за медлительность. Виктория, разумеется, вырвалась вперед. Она единственная из пяти женщин Феликса родилась в этом городе и, хоть и будучи рабыней, в отличие от остальных чувствует себя здесь вольготно, как у себя дома.

В городских стенах дорога выравнивается, но становится мокрее, вода окатывает обувь Амары. Дидона помогает ей подняться на высокий тротуар, и два торговца тканями с ворчанием уступают им путь. На девушек напирает мужчина, увешанный миртовыми гирляндами — подношениями для храма Венеры.

— Для вашей богини? Во имя любви? Две штуки за медяк! Приносят удачу! — Он подносит листья так близко к лицу Дидоны, что та непроизвольно вскидывает руку, чтобы закрыться вуалью, которой больше не носит.

Амара отталкивает гирлянды.

— Нет.

Когда они достигают форума, толпа рассеивается по просторной площади. Лоточники разделяют человеческие потоки, подобно камням. Одни прохожие замедляют шаг, чтобы поглазеть или поторговаться, другие размашисто шагают мимо. В дальнем конце площади высится храм Юпитера, на ступенях которого курится фимиам. Здание колышется в знойном мареве. Дым благовоний тает над громоздящейся позади него синей горой. Амара вспоминает, как улыбался ее отец, когда она спрашивала, верит ли он в богов: «Истории обладают силой независимо

от того, верим мы в них или нет». Она гонит от себя воспоминания о его голосе.

Остальные девушки продолжают искать глазами Трасо. Наконец Дидона показывает на него остальным. Надсмотрщик раздраженно пробирается через толпу.

— У него что, опять сломан нос? — спрашивает Бероника. — Он выглядит ужасно.

— Хуже, чем обычно? Ты уверена? — отзывается Виктория. — Кажется, Балбус вправил его на место.

Бероника не понимает шутки.

— Нет, он выглядит просто ужасно! — настаивает она, повысив голос для вящей убедительности.

Кресса качает головой.

— Он тебя услышит.

Догнав девушек, Трасо грубо приказывает им пошевеливаться, и они дружно пересекают полную народа площадь. Компания моряков, вероятно, только что причаливших в порту, восхищенно присвистывает при виде Амары. Один из них жестами показывает, чего хочет. Она улыбается ему и опускает взгляд. Мужчины со смехом хлопают друг друга по плечам.

Дорога, ведущая вниз по склону, раскисла от дождя, превратившись в разбитую красно-желтую мозаику, отражающую ряды окрашенных зданий по обеим сторонам. Девушки глазуют на группу насквозь промокших носильщиков, плетущихся по колено в воде. Их удачливый груз надежно устроен высоко над водными потоками, за плотными занавесками паланкинов. Амара замечает дохлую собаку, застрявшую между двумя выступающими из воды камнями и удерживаемую на месте тяжестью стремительного потока. Утренний ливень неспособен смыть всю

городскую скверну. Осторожно ступая по камням, девушки поворачивают влево, на узкую улочку, огибающую лупанарий. Здесь совсем негде развернуться, но редеет и толпа.

В детстве Амаре не терпелось бы вернуться домой, укрыться от дождя, посидеть с матерью у жаровни, попивая горячее вино со специями, принесенное служанкой. Но зловещее здание лупанария несколько не походит на ее отчий дом. Вместо согревающих напитков ее ждет лишь ярость Феликса.

Они собираются перед зданием и плотно прижимаются к стене, чтобы спрятаться от ливня под нависающим балконом. Трасо выглядит почти таким же обеспокоенным, как девушки.

— Вы две! — Он показывает на Викторию и Амару. — В термах у вас было полно оправданий. Вот и объясняйте все хозяину.

Остальные проскальзывают в здание. Дидона встревоженно оглядывается через плечо. Виктория, склонив голову набок, прикасается к здоровой руке Трасо.

— Я расскажу Феликсу, как храбро ты дрался, — говорит она, глядя на него с такой обезоруживающей искренностью, что Амара почти ей верит. — Ты защищал его достоинство. Это дорогого стоит.

Гордость не позволяет Трасо поблагодарить шлюху, но он коротко кивает и переводит глаза на Амару, очевидно ожидая восхвалений и от нее. Не в силах выжать из себя ни единого льстивого слова, та мнетса под предостерегающим взглядом Виктории.

— Да, — в конце концов выдавливает она, кивая надсмотрщику. — Это правда. Ты настоящий смельчак. — От страха ее греческий акцент становится еще заметнее.

Трасо стучит в деревянную дверь, ведущую в расположенные над публичным домом покои Феликса. Им, хмурая сросшиеся брови, открывает неизменно мрачный Парис. Амара с порога улавливает запах скрытой под темной лестницей латрины*. Раньше она жалела одинокого юного Париса, разрывающегося между мытьем хозяйских полов наверху и обслуживанием клиентов лупанария внизу. Однако тот ничем не показывал, что желает общества и дружбы волчиц.

— Феликс, — говорит Трасо, нетерпеливо помахав молодому человеку.

— Он с клиентом, вам придется подождать. — Парис разворачивается и поднимается по лестнице.

Они следуют за ним на узкий крытый балкон, идущий вдоль покоев Феликса. Окружающий хозяйские комнаты коридор, подобно паутине, медленно увлекает посетителей все дальше, вместо того чтобы привести их напрямик в центр. До слуха Амары издали доносится незнакомый мужской голос. Ей удается различить всего одно слово: «заплачú». Парис жестом приглашает их в маленькую ожидальню.

Трасо тяжело опускается на скамью возле жаровни, почти не оставив места девушкам. Те кое-как присаживаются по обеим сторонам от него. С балкона проникает дневной свет, но также и холодный воздух. Огонь почти не дает тепла. Сердце бúхает в груди Амары. Ей горько осознавать, что чуть дальше по коридору Феликс выжимает из какого-то бедного должника все до последней медяшки. Трасо зачарованно глядит прямо перед собой на язычки пламени у ног. Она чувствует исходящий от него страх.

* Латрина — отхожее место. *Прим. ред.*

Взгляд Амары упирается в стену. Никаких тебе резвящихся нимф и влюбленных: все покрывает черно-белый геометрический узор. Заостренные линии загибаются и переплетаются, образуя бесконечный головокружильный лабиринт.

Они сидят в молчаливом ожидании, и время тянется, как патока. Дождь усиливается, отчаянно барабана по крыше. За всем этим шумом расслышать, закончил ли Феликс дела с клиентом, невозможно. Но вот мимо дверного проема шмыгает какой-то понурый человечек, и с лестницы доносится стук удаляющихся шагов. Никто не встает со скамьи.

Парис просовывает голову в дверь.

— Давайте, заходите.

Трасо поднимается и грузной поступью огибает раба. Амара и Виктория следуют за ним.

ГЛАВА 2

От нее несет бордельной сажей!

Сенека. Декламации, 1.2

Хозяин сидит за письменным столом в просторной, почти целиком красной комнате и не встает их поприветствовать. Если его и удивило их преждевременное возвращение, то он никак этого не показывает. Феликс вдвое уступает Трасо в весе, но вдвое превосходит его силой. Все его жилистое тело бугрится мускулами. Амара знает, что под складками его светлой тоги нет ни единого мягкого местечка. Его объятия не даруют даже иллюзорной нежности.